

Столпы

Веч. кущб. - 1995. - 17окт. - С. 7.

Час перед рассветом

Фрагменты пресс-конференции Мстислава Ростроповича

Что бы ни делал этот человек, он рождает безграничную веру. Веру в то, что у нас есть будущее, есть великое Искусство, веру в то, что мир этот не так безумен и жесток. Даже пресс-конференцию, посвященную благотворительному концерту в поддержку восстановления храма Христа Спасителя, который состоится 21 октября в БЗК, Мстислав Ростропович превратил в задушевный разговор. Мы предлагаем фрагменты этой беседы.

О храме Христа Спасителя

У меня никогда не было сомнений по поводу того, нужен ли этот храм. Я мальчишкой гулял по Москве и всегда горевал, что здесь нет этого красивейшего здания. Затем я понял, что это не просто здание, а церковь, а потом понял, что это не просто церковь, а символ русской веры, символ новой России. В Москве жили великие люди, которых я знал, Шостакович, Прокофьев. Эти люди очень страдали, гораздо больше, чем я. Я помню 37-й год, мне было тогда десять лет. Когда телефон кого-то из наших знакомых переставал отвечать, мы все вчетвером — папа, мама, сестра и я — шли гулять в том направлении, где жили эти люди. Мы останавливались на улице, а папа быстро забегал в дом, а потом выходил и говорил: "опечатано". У меня на душе до сих пор лежит огромная тяжесть, и каждый подобный концерт снимает эту тяжесть.

Я не задумываюсь над тем, как эта акция будет воспринята, я верю своей интуиции и делаю то, что считаю правильным для себя.

Мы сейчас ставим "Хованщину" под редакцией Шостаковича. Он очень бережно относится к тексту, даже Римский-Корсаков что-то исправлял: считал, что недостаточно у Мусоргского гладко. А в этой негладкости — как раз и есть гениальность. У Шостаковича под стеклом висела репродукция репинского портрета Мусоргского. Дмитрий Дмитриевич говорил: "Я всматриваюсь в эти глаза — и мне тогда легче выбрасывать свои работы в корзину". Хотелось бы, чтобы все так относились к своей роли в любом деле.

Мне не важно, кто конкретно стоит за восстановлением храма. Важно, что это будет величественное сооружение, да оно уже и сейчас такое. Я как-то остановился тут у открытых ворот, и человек, который был поставлен, чтобы не пускать, меня узнал и пропустил. Мне строители сказали: "Мы знаем, что у вас концерт 21-го, но мы, к сожалению, не сможем туда попасть". Этого было достаточно, чтобы я решил сыграть концерт прямо на стройплощадке на следующий день в три часа.

Я хочу побольше времени отдавать благотворительности и обещаю вам, что ни копейки, ни цента не увезу отсюда. Только все нужно делать как-то по-другому. Вот я давал в прошлом году концерт в Большом театре, посвященный 100-летию со дня смерти Чайковского, за который мне обещали гонорар 50 тысяч долларов (их я собирался отдать на ремонт консерватории — уж очень плачевно ее состояние). А заплатили только пять тысяч — признаться, я последние 30 лет такой гонорар ни разу не получал. От предстоя-

щего концерта мы планируем получить около 1 миллиарда. Билеты в партер будут стоить около тысячи долларов (Надо сказать, на некоторые мои концерты в Вашингтоне это минимальная цена).

О Большом театре

После двадцати четырех лет отсутствия я очень счастлив, что снова работаю здесь, и снова — с Борисом Покровским, выдающимся, гениальным режиссером. У коллективов — оркестра и хора — есть блестящие возможности, которые, к сожалению, часто оставались невостребованными. Но я бы раскритиковал репертуарную политику театра в предстоящем сезоне — снова "Травиата", снова "Свадьба Фигаро", "Богема". Это все хорошо, но больше не идет "Война и мир" и "Игрок" Прокофьева, не идут многие этапные произведения грандиозного русского репертуара.

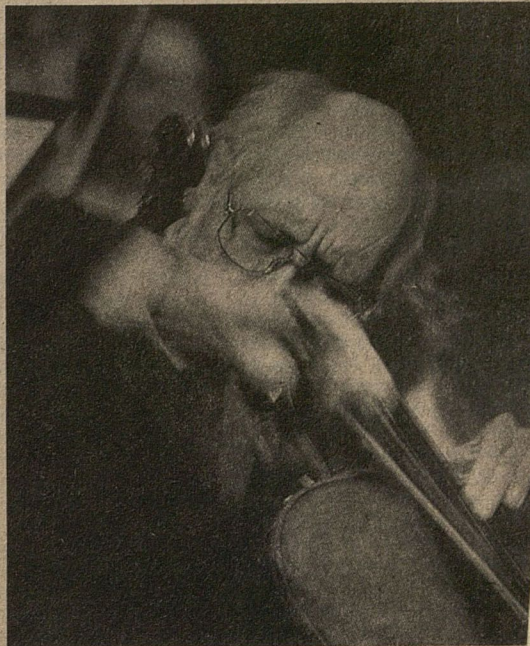
С певцами дело обстоит гораздо хуже. Даже солисты, которые были назначены на роли, уехали, предпочтя контракты, часто не очень хорошие, за границей. Пришлось даже приглашать двух певцов из Санкт-Петербурга. Но пока бюджет такого театра, как Большой, не будет составлять 35 млн. долларов ежегодно, все попытки что-то изменить к лучшему обречены. В Ла Скала или Метрополитен-Опера, к примеру, он составляет 60 — 70 млн. долларов в год.

"Хованщина" имеет для меня огромное значение. Я дирижирую два премьерных спектакля, но если в будущем возникнет необходимость поработать еще, я готов разорвать какой-нибудь контракт.

О принадлежности самому себе

Вот мой план — до осени 98-го года у меня расписан каждый день. Человеческие силы неисчерпаемы, только нужно думать не о том, что ты можешь, а о том, что должен. Я знаю, что должен это выучить наизусть, это сыграть, продиржировать. Я приучил себя спать по четыре часа в сутки.

Среди моих проектов — фестиваль, посвященный 90-летию Шостаковича (он начнется с 16 января 97-го года в Санкт-Петербурге). Из наших звезд в нем примут участие Третьяков, Башмет, Кремер. Однажды я нашел в своих архивах пять страниц, написанных рукой Шостаковича. Я стал вспоминать, откуда у меня: в 60-е годы я говорил Дмитрию Дмитриевичу, что хотел бы организовать его фестиваль.

И мы стали прикидывать программу. У него были очень интересные повороты идей в плане составления программы. А теперь эти пять страниц для меня как завешание.

Галля уже давно заставляет меня писать мемуары. И я действительно обязан это сделать — написать не о себе, а о великих людях, с которыми был знаком. Но, приближаясь к круглой дате, я пока не могу об этом думать. А вот когда пальчики начнут задерживать свою реакцию...

О преемственности поколений

Я с 23 по 28 октября буду проводить ночи в занятиях с 12-летней виолончелисткой Хан На Чанг из Кореи. Это совершенно уникальное явление, я попытаюсь организовать ее выступление в консерватории. В прошлом году, когда ей было 11 лет, она получила золотую медаль на конкурсе виолончелистов в Париже, которому французы присвоили мое имя. Я тогда впервые увидел, как виолончель выходит ОДНА на сцену: Хан за ней просто не было видно. Потом она села, долго сидела в задумчивости, а когда заиграла вторую прелюдию из второй сюиты Баха, все просто обомлело. Такая зрелость, такое потрясающее ощущение музыки во времени! И вместе с тем она привешивает кукол к виолончели, оставаясь девчонкой своего возраста. С 16 ноября мы записываем с ней в Лондоне ее первую пластинку. Надо сказать, я впервые записываюсь с кем-то из виолончелистов как дирижер.

О том, что самый темный час бывает перед рассветом

Я нашел так называемые корректуры "Хованщины" в редакции Шостаковича. Я взял эту редакцию не только потому, что очарован гением, соединившим Мусоргского и Шостаковича, но и потому, что опера заканчивается мотивом, написанным Шостаковичем. У Шостаковича все кончается началом этой оперы. Представляете, кровавая эпопея хованщины, тысячи и тысячи убитых, море крови — а потом наступает рассвет...

Записала
Ольга ФУКС.

23